М.А.Сафаров

Использование устного нарратива при изучении истории мусульманской общины Москвы советского периода

Процесс изучения советского периода истории мусульманской общины Москвы находится еще на стадии формирования. В основном в отечественной историографии продолжается начатое в середине 1990-х гг. определение основных тематических параметров изучения советского периода истории мусульманской общины Москвы, происходит сбор и анализ эмпирического материала, преимущественно посвященного различным аспектам функционирования Московской Соборной мечети (Ф. А. Асадуллин, И.З. Мухамеджанов, М.А. Сафаров, Д.З. Хайретдинов и др.)[1]. Становится все более очевидным, что одним из ключевых направлений дальнейших научных поисков должно стать изучение повседневной жизни мусульман советской Москвы[2]. Поэтому важным является выявление актуальных методологических подходов, наиболее применимых к анализу социальной жизни московских мусульман, появление специальных источниковедческих работ.

В связи с этим большое значение имеет оценка и типологизация источниковой базы по данной проблеме. Помимо традиционных источников документального характера (законодательной базы, отчетов уполномоченных по делам религии, отчетов и протоколов заседаний совета Московской Соборной мечети и т.д.), серьезное внимание следует уделить тем или иным видам нарративных источников[3]. Среди них особое место занимают устные нарративы. Недостаток документальных источников, почти полное отсутствие «письменного» наррати-

1 | Тем не менее определенные итоги уже можно подвести. Наиболее полно материал о советском периоде истории мусульманской общины Москвы представлен в соответствующих статьях уже получившего широкую известность энциклопедического словаря «Ислам в Москве» (2008). Очевидной потребностью в связи с этим связи является проведение специального историографического исследования по данной теме.

2 | Это, разумеется, не означает отказа от других, уже оформившихся направлений исследований, в частности — от анализа биографий, прежде всего имамов советского времени. Важным здесь является повышение концептуального уровня работ, более полный учет контекста изучаемого времени.

3 | Под нарративом (англ. narrative — рассказ, повествование) мы понимаем исторически и культурно обоснованную интерпретацию некоторого аспекта мира с позиции какой-либо отдельно взятой человеческой личности.

ва, например зафиксированных самими авторами воспоминаний, делают устный нарратив важным свидетельством истории мусульманской общины Москвы[4]. Методика сбора и анализа устного нарратива применительно к нашей теме в целом тождественна аналогичным способам получения нового материала, разработанным в социологии, этнографии, религиоведении, фольклористике и других областях гуманитарного знания (далее мы покажем методические особенности, определенные спецификой предмета исследования). Ключевую роль здесь играет анализ воспоминаний представителей мусульманской общины старшего поколения, принимавших активное участие в религиозной жизни. Важным для исследователя является максимально четкое целепологание при планировании научной работы и, в зависимости от целей, предварительное определение круга тех людей, чьи воспоминания станут наиболее информативными[5]. Несмотря на, казалось бы, очевидность подобного действия для любого историка, нередко многие исследователи не экстраполируют свои источниковедческие навыки из практики работы с документальными источниками на анализ нарратива (это касается изучения различного круга вопросов, в том числе связанных с этноконфессиональной проблематикой). Поэтому профессиональной удачей исследователя является нахождение таких людей, чьи воспоминания можно условно считать «комплексным» нарративом, то есть источником, включающим в себя различные стороны жизни мусульманской общины советской Москвы, имеющим широкие хронологические рамки и отличающимся ярко выраженной личностной составляющей.

Наша исследовательская практика показала, что по уровню информированности, умению не только излагать ход истории общины, но и давать развернутые оценки происходившим событиям, тенденциям и личностям особо выделяются представители татар, так или иначе связанных с городом Касимов Рязанской области. Это объясняется тем, что касимовские татары, а также тесно связанные с ними уроженцы татарских сел Тамбовской губернии в дореволюционный период являлись представителями элиты мусульманской общины Москвы: активно занимались предпринимательством, в значительной мере определяли жизнь мечетей и других общинных институтов. Успешно адаптированные к условиям дореволюционной Москвы и отлично понимавшие все сложности и ограничения, связанные с жизнью мусульман в рамках

4 | По существу, к числу нарративных источников, тематически связанных с советской историей мусульманской общины Москвы, зафиксированных самими авторами и ныне опубликованных, можно отнести лишь фрагменты дневника муфтия Галимжана Баруди (1857–1921) [Баруди, 2000], где отражены его впечатления от политики большевиков по отношению к исламу в первые годы советской власти, а также имеющие значительный источниковедческий интерес воспоминания уроженки и многолетней жительницы «татарского» Замоскворечья, представительницы известных дореволюционных купеческих семейств Вергазовых и Янбухтиных Амины Хусаиновны Губайдуллиной [Губайдуллина, 2003].

5 | Тематические рамки исследований неизбежно требуют четкого структурирования источников. В то же время стоит учитывать и самоценность нарратива как такового. В любом случае исследователь получает уникальные свидетельства индивидуального опыта. Это тем более важно применительно к религиозной жизни в советском городе.

империи, татарские предприниматели и их потомки столкнулись после 1917 г. с масштабными и трагическими испытаниями новой эпохи. Ценность воспоминаний потомков таких известных купеческих семей, как Ерзины, Вергазовы-Янбухтины, Девишевы и др., чье детство и юность пришлись на 1920–1930-е гг., уникальна. Разумеется, различные свидетельства представителей поколения, сформировавшегося в довоенный период, восприятие ими социальных трансформаций первых десятилетий советской истории анализировались и вводились в научный оборот и раньше. Уникальность воспоминаний потомков московского татарского купечества в том, что трансформации, затронувшие все слои советского общества, интерпретируются этими людьми через призму своей этнической и конфессиональной идентичности. Другими словами, «ликвидация буржуазии как класса», различные легальные формы дискриминации представителей имущих в прошлом сословий сочетаются в их опыте с гонениями на религию, в том числе с уничтожением почти всех мусульманских институций, борьбой с проявлениями татарской «буржуазной» культуры (прежде всего с наследием джадидизма). Даже небольшой нарративный фрагмент дает максимально возможную целостную интерпретацию жизни данного социального слоя в «предлагаемых обстоятельствах» эпохи.

В качестве наиболее яркого примера подобного комплексного нарративного источника можно назвать воспоминания Раузы Ахмедовны Кастровой, внучки основателя Московской Соборной мечети Салиха Ерзина (нач. 1830-х гг. — 1911). Раузу Кастрову, родившуюся в Касимове в 1911 г. и живущую в столице с 1921 г., не случайно называют хранительницей истории московской мусульманской общины, «живой легендой»[6]. Автором этих строк в течение ряда лет осуществляется запись воспоминаний Р.А. Кастровой, уже послуживших важнейшим источником реконструкции жизни московских мусульман в XX в. и, в значительной мере, введенных в научный оборот. С целью демонстрации информативной насыщенности данного нарративного источника перечислим и кратко охарактеризуем основные темы, значительно раскрытые благодаря воспоминаниям Р.А. Кастровой:

— обстоятельства функционирования мечети на Большой Татарской улице (ныне Исторической мечети) в 1920-е гг.: жизнь и деятельность имама Абдуллы Шамсутдинова (1878–1937); учебный процесс в мектебе при мечети, существовавшем до конца 1920-х гг.; штат мечети и преподаватели мектеба; воспоминания о выдающемся религиозном деятеле, теологе Мусе Бигееве (1874–1949), работавшем в мечети и преподававшем основы ислама в мектебе в 1923–1925 гг.;

— эмиграция некоторых представителей татарского купечества в начале 1920-х гг.;

— Замоскворечье в годы НЭПа;

6 | Подробнее биографию Раузы Кастровой см.: Сафаров, 2009.

— начало активной антирелигиозной кампании в конце 1920-х — начале 1930-х гг.: антирелигиозные диспуты; неприятие публичных форм антирелигиозной пропаганды; порицание татар-атеистов;

— процесс активного разрушения общинного характера жизни мусульман в Замоскворечье в 1930-е гг. (репрессии 1930-х гг.);

— функционирование Татарского клуба имени Х. Ямашева и других институций татарской советской культуры, расположенных в доме Асадуллаева в 1920-е — середине 1930-х гг.: органичное принятие татарской молодежью Замоскворечья элементов конструируемой татарской советской культуры, в том числе активное участие в различных мероприятиях клуба имени Х. Ямашева, сочетавшееся, тем не менее, с сохранением выраженной религиозной идентичности;

— восприятие видных татар-большевиков представителями бывшего купеческого сословия Замоскворечья: воспоминания о видном советском политическом деятеле Мирсаиде Султан-Галиеве (1892–1940), женатом на двоюродной сестре Раузы Кастровой Фатиме Ерзиной;

— генеалогические связи московских татар — потомков купеческих семей, связанных с Касимовом и татарскими селами Рязанской и Тамбовской губерний: характеристика многих представителей этих семей, рассказ об их жизни после национализации имущества, в годы НЭПа и в период репрессий (Ерзины, Агеевы-Шамсутдиновы, Янбухтины-Вергазовы, Девишевы, Кастровы, Кашаевы, Бурнашевы и др.). Указывается, что вплоть до закрытия мечети на Большой Татарской улице и начала массовых репрессий мусульманская община в Замоскворечье отличалась тесно переплетенным сословно-земляческим характером — значительное число прихожан составляли потомки элиты дореволюционной мусульманской общины;

— закрытие мечети на Большой Татарской улице и процесс перехода мусульман Замоскворечья в общину мечети в Выползовом переулке (Московская Соборная мечеть): история Московской Соборной мечети, основанной дедом Раузы Кастровой, и память о великом меценате Салихе Ерзине среди московских мусульман в советское время; восприятие прихожанами из Замоскворечья имамов Московской Соборной мечети, в том числе Халила Насретдинова (1890–1964); мечеть в годы Великой Отечественной войны;

— мусульманские праздники в московских мечетях и в семьях в 1920-е — середине 1930-х гг.: участие женщин в специально организованных для них коллективных молитвах в мечети; воспоминание о проведении шиитами праздника Ашура-байрам в мечети в Выползовом переулке в конце 1920-х гг.;

— мусульманская жизнь в Москве в послевоенный период и сохранение религиозной идентичности в условиях советского города: сохранение стойкой исторической памяти о прежнем высоком статусе

в структуре мусульманской общины, об аристократическом происхождении (при этом термин «мурзы», потомками которых и являлось большинство московских касимовских мусульман, не употреблялся); восприятие имам-хатыба Московской Соборной мечети Ахметзяна Мустафина (1902–1986); сочетание в религиозной жизни посещения мечети с активным проведением меджлисов — религиозных собраний-трапез в мусульманские праздники и памятные дни поминовения родных; значение Даниловского мусульманского кладбища не только как места для захоронения, но и как материального выражения исторической памяти; сочетание религиозного мировоззрения с традиционно присущим касимовским татарам стремлением к получению высшего образования и активной жизненной позицией[7].

Тематически близки к воспоминаниям Раузы Кастровой впечатления и другой старейшей представительницы московской мусульманской общины Ильсияр Абдулловны Шамсутдиновой (1920 г.р.), происходящей из рода имамов мечети на Большой Татарской улице. Воспоминания Ильсияр Абдулловны, в частности, касаются личности ее деда — Хайретдина Агеева (1827/1828–1913). Она не застала Хайретдин-хазрата в живых, однако память об этом выдающемся религиозном деятеле сохранялась в семье. В центре воспоминаний И.А. Шамсутдиновой — трагическая судьба ее родителей — имам-хатыба Абдуллы Шамсутдинова и его жены Магиры Агеевой-Шамсутдиновой, погибших в годы репрессий. Ярко и подробно Ильсияр Абдулловна рассказывает о жизни мечети в 1920-е гг., мусульманских праздниках, прихожанах, мектебе. Примечательна рассказанная И.А. Шамсутдиновой судьба ее тети (родной сестры имама А. Шамсутдинова) Сагдии Хасановны Булатовой (1882–1950), родившейся в семье преподавателя медресе и купеческой дочери. Активная сторонница социал-демократического движения в начале XX в., Сагдия Булатова являла собой редкий пример убежденной татарской женщины-большевички, активного пропагандиста. После Октябрьской революции Сагдия Булатова работала в системе просвещения Рязанской губернии, а с 1924 г. — в татарской секции агитотдела Московского комитета партии. Почти не контактировавшая с семьей брата-имама, она, тем не менее, была в 1939 г. репрессирована и провела в заключении много лет. Вскоре после освобождения Сагдия Булатова скончалась (реабилитирована посмертно в 1955 г.).

7 | Воспоминания Раузы Кастровой, свидетеля многих важных событий, знакомой с выдающимися деятелями татарской истории XX в. (Мусой Джалилем, Ахмедом Ерикеем, Салихом Сайдашевым, Назибом Жигановым, Сарой Садыковой и многими другими), разумеется, многократно шире рамок темы «жизнь мусульман в советской Москве». В частности, Рауза Ахмедовна обладает материалом о татарском купечестве дореволюционного Касимова, к уникальному миру которого она принадлежала. Стоит учитывать и ее наблюдения за отражением событий советской истории в жизни Москвы начиная с 1920-х гг., художественные впечатления (Р.А.Кастрова работала в Комитете по делам искусств, хореографическом училище при Большом театре, Радиокомитете, была знакома со многими выдающимися представителями советской культуры). Особая страница в ее воспоминаниях — годы, проведенные в ссылке, в городе Акбулак Оренбургской области (вторая половина 1930-х гг.).

Воспоминания Амины Хусаиновны Губайдуллиной, родившейся в Москве в 1929 г., помимо многочисленных содержательных материалов, почерпнутых от родителей и родственников, содержат и уникальные наблюдения за жизнью мусульманской общины Москвы советского времени. Это рассказ о Большой Татарской улице уже после закрытия мечети, о сохранении особой татарской специфики этой части Замоскворечья (в частности, постоянно звучавшей татарской речи) вплоть до конца 1960-х гг., когда обитатели коммунальных квартир в купеческих особняках переселились на окраины Москвы. В воспоминаниях Амины Губайдуллиной также содержатся свидетельства о прочном сохранении религиозного мировоззрения у людей, успешно адаптировавшихся к условиям советской жизни, имевших высшее образование, занимавших ответственные должности (конечно, речь не идет об активном проявлении религиозности).

Сбор материала среди потомков касимовских татар методически сравнительно прост и проходит в форме интервью. Четкий план, корректируемый в ходе интервью, умение ориентироваться в контексте истории мусульманской общины Москвы и в реалиях советского времени дает возможность исследователю получить максимальный объем необходимой информации. Однако при изучении жизни мусульман Москвы советского периода следует помнить и о существовании другой части общины — выходцев из татарских сел и деревень Нижегородской и Пензенской областей, Мордовии, без учета и анализа воспоминаний которых многие исследовательские задачи останутся нереализованными. Прежде всего это касается тем, связанных с изучением процесса урбанизации мусульманского населения, адаптации сельских жителей-мусульман к условиям советского города, вхождения их в существовавшие общинные структуры и др. Составлявшие основную часть мусульманской общины Москвы в советское время, татары-мишари доминировали среди прихожан Второго мусульманского прихода в Мещанской части города со времени его основания, то есть с конца XIX — начала XX в. Однако большая часть татар-мишарей поселилась в Москве уже в советское время, начиная с 1920-х гг.

В этом контексте особый интерес представляют воспоминания людей, родившихся в конце 1920-х — 30-е гг. в татарских селах и переселившихся в юности в Москву. План интервью с ними может затрагивать следующие аспекты: мотивы и обстоятельства переселения в город; поиск работы и жилья в городе; особенности земляческого характера социальной жизни; посещение Московской Соборной мечети и восприятие имамов, в том числе ключевой фигуры мусульманской жизни Москвы 1960-х — середины 1980-х гг. Ахметзяна Мустафина; проведение меджлисов и соблюдение мусульманской обрядности; сохранение связей с родными селами и деревнями и др.

В результате полноценного интервью можно получить содержательную информацию об опыте сохранения традиционного для татар-мусульман характера жизни в условиях столицы СССР. Большинство интервью показывают, что высокому уровню религиозности способствовало сохранение прочных социальных контактов, основанных на земляческом принципе (в том числе в повседневной жизни, при заключении браков и т.д.), связей с родными селами и живущими там родственниками, восприятие мечети не только как места для совершения молитвы, но и в качестве центра социального притяжения. Немаловажным являлся и характер профессиональной деятельности: большинство татар — выходцев из сельской местности, были заняты на низкоквалифицированной работе или в торговой сети, причем нередко выбор места работы также определялся земляческим принципом. Кроме того, подобные профессиональные области были минимально идеологизированы, а частная жизнь занятых в них людей в самой меньшей степени регламентировалась официальными, партийными установками, позволяя почти в неизменном виде сохранять религиозность[8].

Работа по сбору нарратива среди татар-мишарей имеет свою специфику. Наиболее полноценно она будет осуществлена, если исследователь свободно владеет татарским языком. Это связано не только с достаточно слабым владением русским языком многими пожилыми людьми из числа татар-мишарей, но и с тем, что вопросы носят так или иначе личностный характер (особенно, если это касается индивидуального религиозного опыта). При характерной для татар тождественности мусульманского и собственно этнического (татарского) вся религиозная сторона жизни такого человека может быть адекватно и аутентично выражена им лишь на родном татарском языке.

Кроме того, многие нарративы могут носить достаточно разрозненный, «хаотичный» в хронологическом и тематическом смысле характер. Все это требует от исследователя не только владения источниковедческой методикой, но и элементарных психологических навыков для проведения беседы с пожилыми людьми.

В заключение выскажем несколько наблюдений относительно анализа полученного нарратива применительно к нашей теме. Главное — не абсолютизировать и не идеализировать полученный материал, несмотря на то, что многие аспекты изучаемой темы, как показано

8 | Так, люди, занятые неквалифицированным трудом, в подавляющем большинстве не являвшиеся членами КПСС, в 1950-е — 1980-е гг. регулярно посещали мечеть, соблюдали все ключевые мусульманские обряды, приобретали халяльное мясо на Пятницком рынке в Замоскворечье. Там существовало единственное в послевоенной Москве место продажи данной продукции, причем статус этого места официально не регламентировался — это были обыкновенные торговые палатки, характерные для заурядного городского рынка, где торговцы-татары реализовывали конину и баранину. Нарративные свидетельства создают впечатление о почти полной автономности жизни московских мусульман первого поколения в послевоенной Москве. Здесь стоит учитывать, конечно, и слабое знание ими русского языка. Большинство их детей уже стремились получить среднее специальное или высшее образование.

выше, практически полностью наполняются его содержанием. Стоит помнить, что нарратив — прежде всего интерпретация собственного опыта, субъективный взгляд на историю. Он должен быть подкреплен корпусом источников другого рода, в первую очередь документальных, что придаст исследованию целостную и комплексную источниковедческую базу.

Мы полагаем, что исследователь, впервые приступающий к сбору и анализу нарратива (с учетом междисциплинарного характера нарративного дискурса), должен овладеть не только источниковедческими приемами, методическими знаниями, но и ознакомиться с имеющимися общетеоретическими работами в области нарративизма[9], в том числе отличающимися достаточно критическим взглядом на широкое использование нарратива в научных исследованиях.

9 | См. например: Анкерсмит, 2003; Рикер, 1999. Глубокий анализ различных зарубежных концепций нараттивизма содержится в статье социолога А.В. Борисенковой [Борисенкова, 2010].

Список источников и литературы

Анкерсмит, 2003 — Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков. М., 2003.
Баруди, 2000 — Баруди Г. Памятная книжка. Казань, 2000.
Борисенкова, 2010 — Борисенкова А.В. Нарративный поворот и его проблемы // Новое литературное обозрение. 2010. № 3 (103).
Губайдуллина, 2003 — Губайдуллина А.Х. Татарская слобода, моя малая родина // Татарский мир. 2003. № 3.
Ислам, 2008 — Ислам в Москве: Энциклопедический словарь. Н.Новгород, 2008.
Рикер, 1999 — Рикер П. Время и рассказ. М.: ИНИОН; СПб., 1999.
Сафаров, 2009 — Сафаров М.А. Кастрова Рауза Ахмедовна // Ислам в центрально-европейской части России: Энциклопедический словарь. М., 2009.